

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

КСЮША ЛЕВИНА

Ксюша Левина

СПЯЩАЯ
КРАСАВИЦА

Пролог

— **МЫ ДОЛЖНЫ УВИДЕТЬ** завещание. Это не об-
суждается.

— Я же вам уже все сказал, я это завещание
в глаза не видел, понимаете? Его просто нет.

— Не может такого быть! Не может владе-
лец агрохолдинга не оставить завещания, зная,
что вот-вот...

— А вас не смущает, что дедушка еще
жив? — Я поднимаюсь с кресла, стоящего у
постели деда, и впервые за этот день смотрю
на отца. Адвокат отводит взгляд, будто ему
стыдно.

Но только не папуле. Ему никогда не бывает
стыдно.

— Сынок, не вмешивайся. — Мама делает
шаг и хлопает меня по руке.

И эта туда же.

— Он не мог спрогнозировать инсульт, но...

— ...С его-то работой? И не мог? Да это первое, о чем стоило позаботиться!

— У него свой адвокат! Уже несколько лет как!

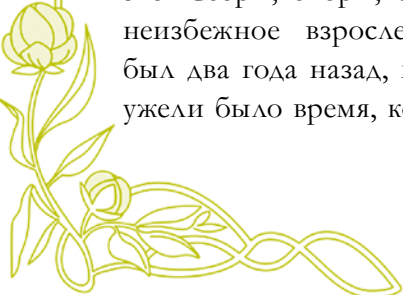
Именно так он и позаботился о грядущем инсульте, ребята. Но вслух я этого не произношу.

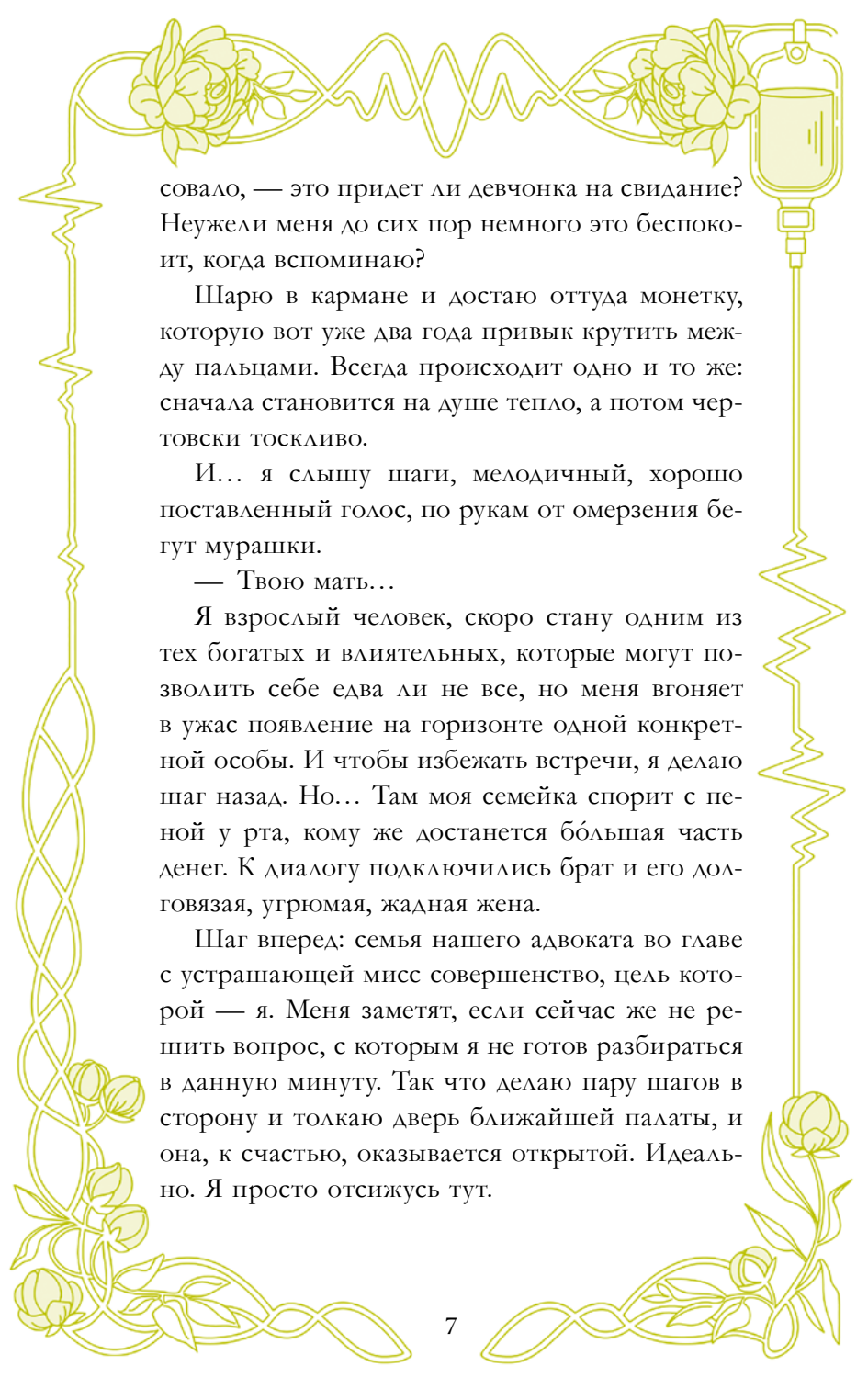
Что ж, я должен был догадаться, что не имею права голоса. И это особенно смешно, потому что дед завещал все мне. Я скажу даже больше. Зная, что может случиться непоправимое, он все на меня переписал, но родители об этом еще не знают. И не узнают, я надеюсь, еще очень и очень долго, потому что дед должен выжить. Даже если они считают иначе.

— Вы бы хоть из палаты вышли, — бросаю своей семейке и ухожу первым.

Я чертовски от них устал, так что в коридоре останавливаться не намерен и иду дальше. Хочется просто уехать из больницы, а может, даже из города, но сама мысль, что дед останется с моими родственниками в одном здании, кажется противоестественной, будто это небезопасно. Поэтому я просто сворачиваю за угол и стою, прислонившись спиной к стене.

Уже года два как жизнь превратилась в... это. Ссоры, споры, больницы, переживания и неизбежное взросление. Вспоминаю, каким был два года назад, и становится смешно. Неужели было время, когда все, что меня интере-

A decorative border in a golden-yellow color frames the page. At the top, there are two roses on the left and a drip chamber on the right. The border features a central wavy line and a vertical zigzag line on the right side. At the bottom, there are more roses and a wavy line.

совало, — это придет ли девчонка на свидание? Неужели меня до сих пор немного это беспокоит, когда вспоминаю?

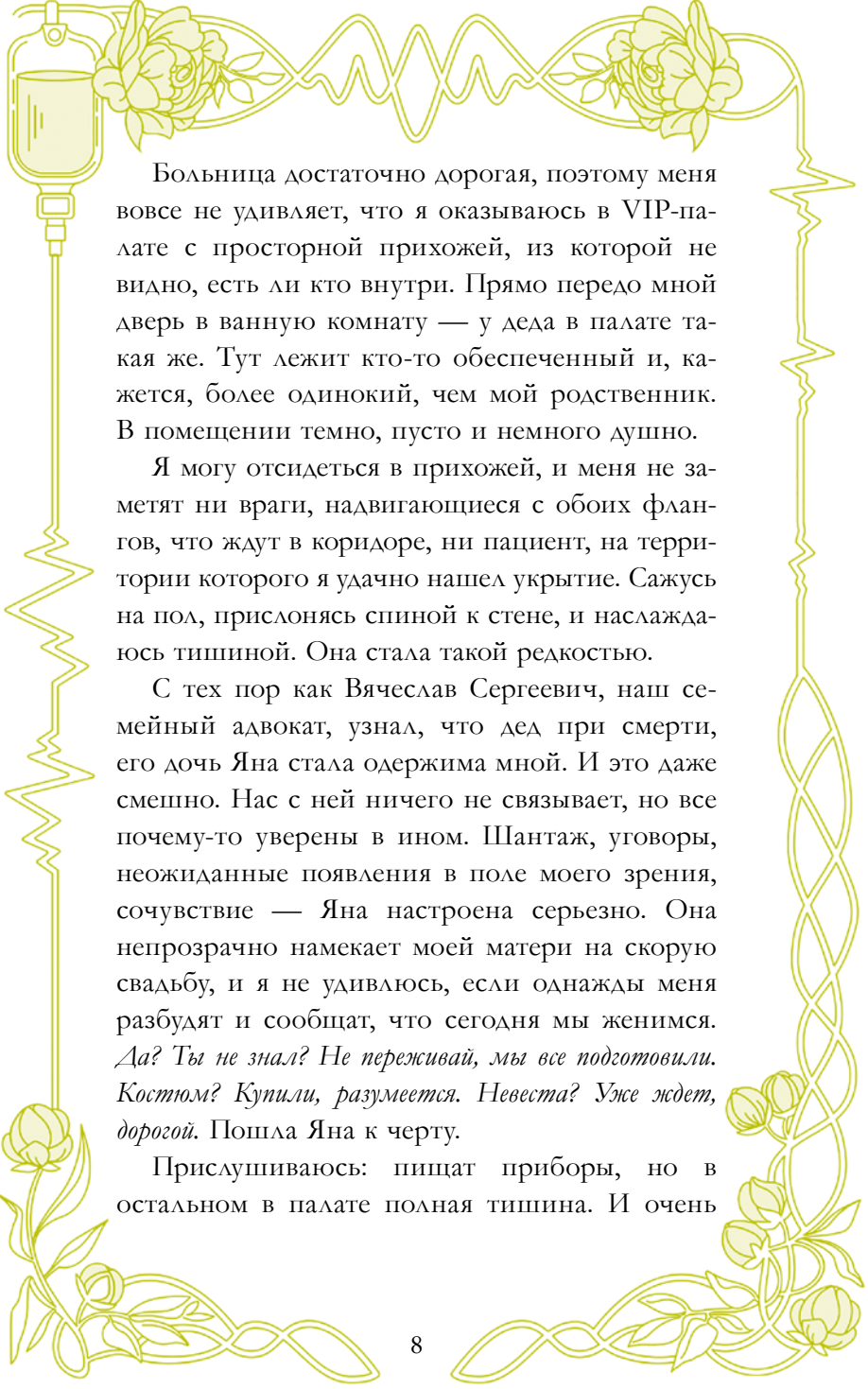
Шарю в кармане и достаю оттуда монетку, которую вот уже два года привык крутить между пальцами. Всегда происходит одно и то же: сначала становится на душе тепло, а потом чертовски тоскливо.

И... я слышу шаги, мелодичный, хорошо поставленный голос, по рукам от омерзения бегут мурашки.

— Твою мать...

Я взрослый человек, скоро стану одним из тех богатых и влиятельных, которые могут позволить себе едва ли не все, но меня вгоняет в ужас появление на горизонте одной конкретной особы. И чтобы избежать встречи, я делаю шаг назад. Но... Там моя семейка спорит с пенью у рта, кому же достанется бóльшая часть денег. К диалогу подключились брат и его долговязая, угрюмая, жадная жена.

Шаг вперед: семья нашего адвоката во главе с устрашающей мисс совершенство, цель которой — я. Меня заметят, если сейчас же не решить вопрос, с которым я не готов разбираться в данную минуту. Так что делаю пару шагов в сторону и толкаю дверь ближайшей палаты, и она, к счастью, оказывается открытой. Идеально. Я просто отсижусь тут.

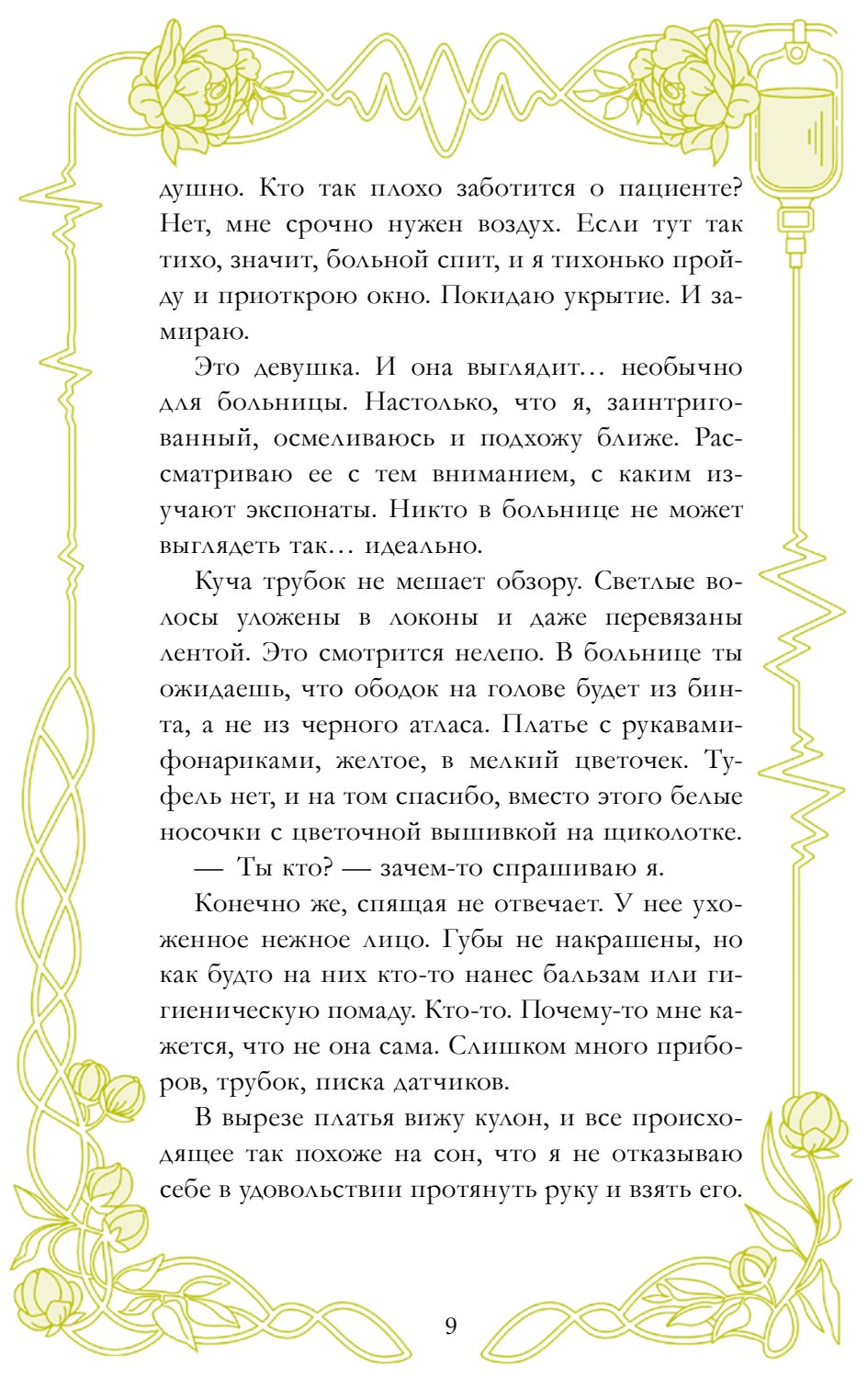

Больница достаточно дорогая, поэтому меня вовсе не удивляет, что я оказываюсь в VIP-палате с просторной прихожей, из которой не видно, есть ли кто внутри. Прямо передо мной дверь в ванную комнату — у деда в палате такая же. Тут лежит кто-то обеспеченный и, кажется, более одинокий, чем мой родственник. В помещении темно, пусто и немного душно.

Я могу отсидеться в прихожей, и меня не заметят ни враги, надвигающиеся с обеих флангов, что ждут в коридоре, ни пациент, на территории которого я удачно нашел укрытие. Сажусь на пол, прислоняюсь спиной к стене, и наслаждаюсь тишиной. Она стала такой редкостью.

С тех пор как Вячеслав Сергеевич, наш семейный адвокат, узнал, что дед при смерти, его дочь Яна стала одержима мной. И это даже смешно. Нас с ней ничего не связывает, но все почему-то уверены в ином. Шантаж, уговоры, неожиданные появления в поле моего зрения, сочувствие — Яна настроена серьезно. Она непрозрачно намекает моей матери на скорую свадьбу, и я не удивлюсь, если однажды меня разбудят и сообщат, что сегодня мы женимся. *Да? Ты не знал? Не переживай, мы все подготовили. Костюм? Купили, разумеется. Невеста? Уже ждет, дорогой.* Пошла Яна к черту.

Прислушиваюсь: пищат приборы, но в остальном в палате полная тишина. И очень

A decorative border in a golden-yellow color frames the page. At the top, there are two large roses on the left and right, connected by a wavy line. On the right side, a drip chamber is attached to a vertical line that runs down the page. The bottom corners feature intricate floral and vine patterns.

душно. Кто так плохо заботится о пациенте? Нет, мне срочно нужен воздух. Если тут так тихо, значит, больной спит, и я тихонько пройду и приоткрою окно. Покидаю укрытие. И замираю.

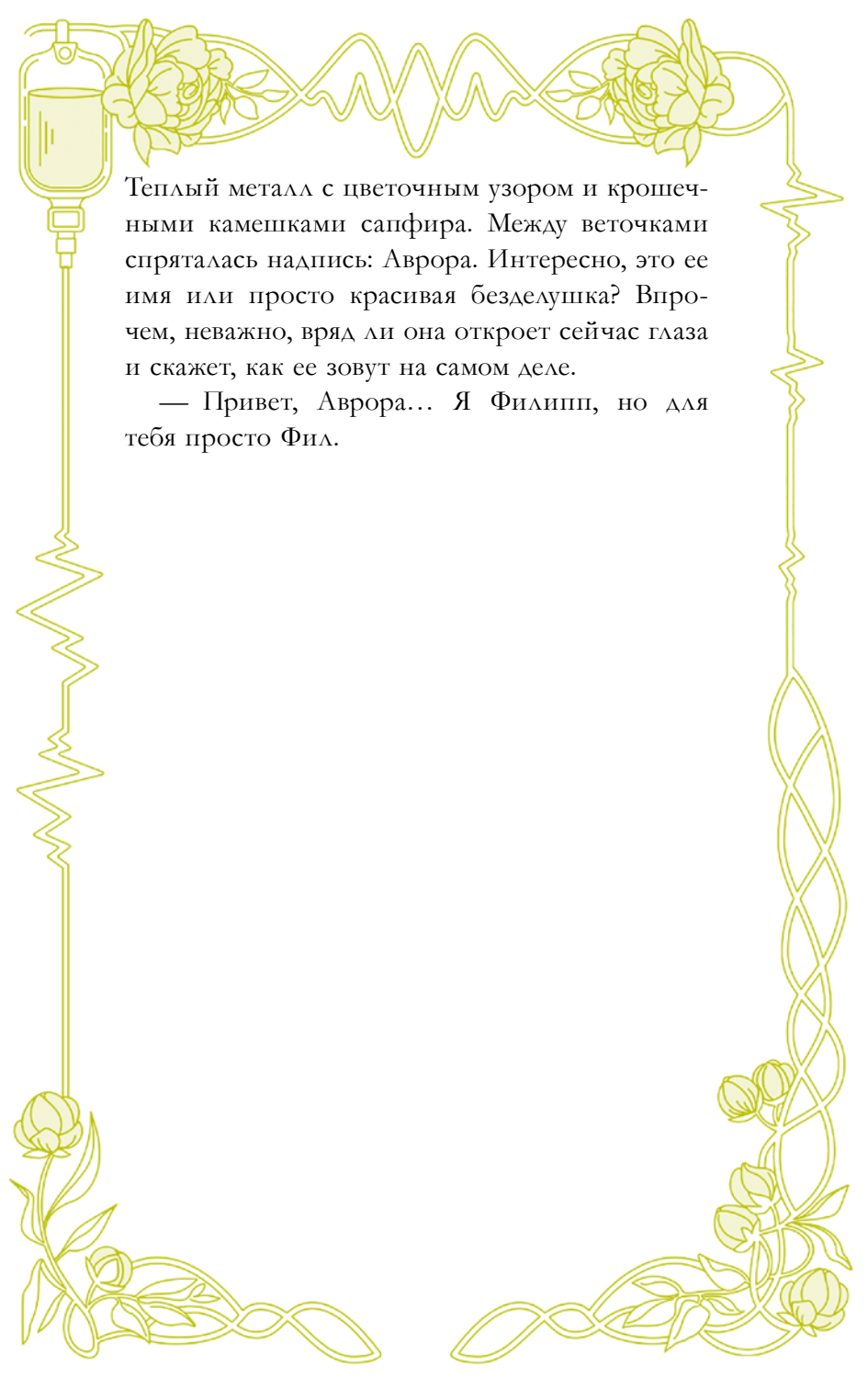
Это девушка. И она выглядит... необычно для больницы. Настолько, что я, заинтригованный, осмеливаюсь и подхожу ближе. Рассматриваю ее с тем вниманием, с каким изучают экспонаты. Никто в больнице не может выглядеть так... идеально.

Куча трубок не мешает обзору. Светлые волосы уложены в локоны и даже перевязаны лентой. Это смотрится нелепо. В больнице ты ожидаешь, что ободок на голове будет из бинта, а не из черного атласа. Платье с рукавами-фонариками, желтое, в мелкий цветочек. Туфель нет, и на том спасибо, вместо этого белые носочки с цветочной вышивкой на щиколотке.

— Ты кто? — зачем-то спрашиваю я.

Конечно же, спящая не отвечает. У нее ухоженное нежное лицо. Губы не накрашены, но как будто на них кто-то нанес бальзам или гигиеническую помаду. Кто-то. Почему-то мне кажется, что не она сама. Слишком много приборов, трубок, писка датчиков.

В вырезе платья вижу кулон, и все происходящее так похоже на сон, что я не отказываю себе в удовольствии протянуть руку и взять его.

A decorative border in a golden-yellow color. At the top left is a medical drip chamber with a tube leading down. The top edge features a heart rate line (ECG) that weaves between two large roses. The right side of the border is a vertical line with a heart rate pulse at the top and a braided pattern at the bottom. The bottom corners are decorated with roses and leaves.

Теплый металл с цветочным узором и крошечными камешками сапфира. Между веточками спряталась надпись: Аврора. Интересно, это ее имя или просто красивая безделушка? Впрочем, неважно, вряд ли она откроет сейчас глаза и скажет, как ее зовут на самом деле.

— Привет, Аврора... Я Филипп, но для тебя просто Фил.

Глава 1

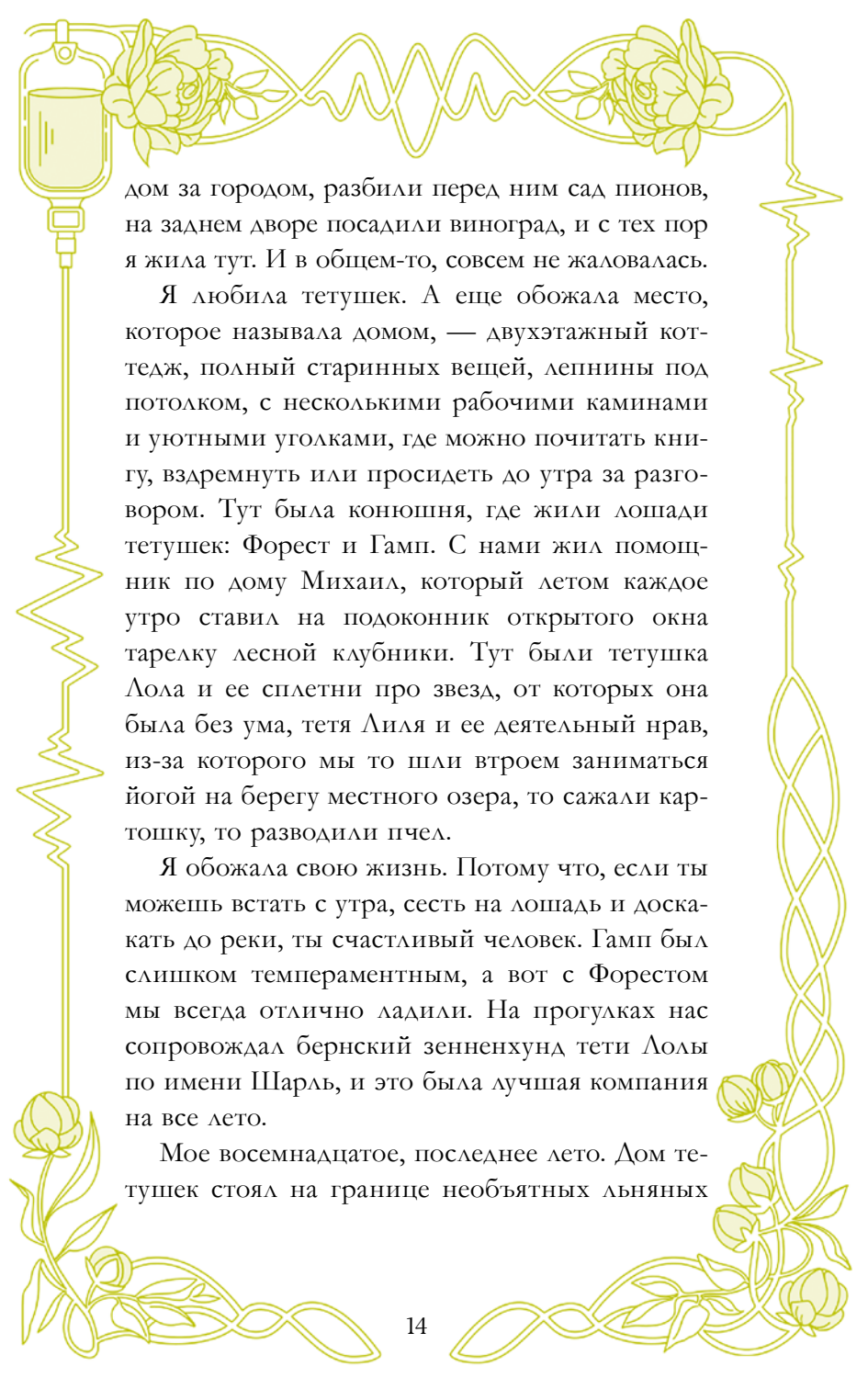
Два года назад

АВРОРА

Я РОДИЛАСЬ В КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬЕ. Моя мама — королева красоты в прямом смысле слова, а папа — король инвестиций и ценных бумаг. Так его называли в одной статье «Форбс», которую мы с тетушками читали пару недель назад. А я, получается, принцесса. В изгнании.

Сколько я себя помню, родители работали, а я оставалась с сестрами отца, которых коротко называла тетушками. Тетя Лола и тетя Лиля, близняшки, делили друг с другом жизнь с рождения, и не удивлюсь, если до самой смерти.

Сначала они сидели со мной по очереди, и я жила то у одной, то у другой. А потом тетя Лола овдовела, тетя Лиля развелась, и они решили поставить крест на семейной жизни, исполнив главную мечту: купили большой старинный

дом за городом, разбили перед ним сад пионов, на заднем дворе посадили виноград, и с тех пор я жила тут. И в общем-то, совсем не жаловалась.

Я любила тетушек. А еще обожала место, которое называла домом, — двухэтажный коттедж, полный старинных вещей, лепнины под потолком, с несколькими рабочими каминами и уютными уголками, где можно почитать книгу, вздремнуть или просидеть до утра за разговором. Тут была конюшня, где жили лошади тетушек: Форест и Гамп. С нами жил помощник по дому Михаил, который летом каждое утро ставил на подоконник открытого окна тарелку лесной клубники. Тут были тетушка Лола и ее сплетни про звезд, от которых она была без ума, тетя Лиля и ее деятельный нрав, из-за которого мы то шли втроем заниматься йогой на берегу местного озера, то сажали картошку, то разводили пчел.

Я обожала свою жизнь. Потому что, если ты можешь встать с утра, сесть на лошадь и доскакать до реки, ты счастливый человек. Гамп был слишком темпераментным, а вот с Форестом мы всегда отлично ладили. На прогулках нас сопровождал бернский зенненхунд тети Лолы по имени Шарль, и это была лучшая компания на все лето.

Мое восемнадцатое, последнее лето. Дом тетушек стоял на границе необъятных льняных